

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

20—22 июня 2013

**Цикл встреч с лидерами: беседы, меняющие мир
МИР В 2020 ГОДУ: ПОВОДЫ ДЛЯ ОПТИМИЗМА**

21 июня 2013

17:15—18:15, Павильон 4, Конференц-зал 4.1

Санкт-Петербург, Россия

2013

Модератор:

Джефф Катмор, Телеведущий, CNBC

Выступающий:

Олег Дерипаска, Председатель правления, генеральный директор, ОК
«РУСАЛ»

Дж. Катмор:

Дамы и господа, добро пожаловать на эту дискуссию. Я рассчитываю, что в ближайший час у нас будет захватывающая, непростая и, надеюсь, занимательная беседа о перспективах вплоть до 2020 года. Дискуссия так и называется — «Мир в 2020 году: поводы для оптимизма», и я надеюсь, что и лорд Мандельсон, и Олег Дерипаска убедительно объяснят, почему нам надо с нетерпением ждать 2020 года.

Сообщаю вам, что эту сессию мы снимаем на видео. Сам факт вашего присутствия в этом зале означает согласие на дальнейшее использование вашего изображения, если потом мы сделаем из видеозаписи программу для эфира на канале CNBC. Если кого-то это не устраивает, сейчас самое время поднять руку. Если возражений нет, продолжим.

Добро пожаловать на программу CNBC о поводах для оптимизма в 2020 году. Мы находимся в Санкт-Петербурге. Здесь со мной distinguished лорд Мандельсон, бывший европейский комиссар по торговле (2004—2008), и Олег Дерипаска, генеральный директор ОК «РУСАЛ». Господа, благодарю вас за то, что пришли сюда побеседовать.

Мне бы хотелось для начала провести опрос среди зрителей. Задумайтесь о своей собственной жизни. Задумайтесь о своих перспективах, о том, чем располагают для развития ваши дети. Задумайтесь о мире, процветании, комфорте. Я прошу вас поднять руки, чтобы показать мне, с оптимизмом или пессимизмом вы относитесь к утверждению, что все это до 2020 года будет улучшаться. Как вы считаете, станет ли жизнь в 2020 году во многих отношениях лучше, чем сейчас? Или в данный момент жизнь тревожит вас и вам кажется, что она станет еще более тревожной в связи с существующими тенденциями и на глобальном, и на местном уровне? Насколько вас беспокоит происходящее на мировой арене или в вашей личной жизни? Пожалуйста, поднимите руки те, кто считает, что в 2020 году будет существенно лучше, чем сейчас. Скажите, вы, сидящие в этом зале, вы оптимисты? О, как много оптимистов! А теперь спрошу, не ощущаете ли вы пессимизма при взгляде в будущее. Кто считает, что в 2020 году все будет только хуже? Поднимите руки, пожалуйста. Ну что ж, меня

вдохновляет и успокаивает тот факт, что, по-моему, три четверти зрителей считают, что жизнь в 2020 году в целом станет лучше.

Давайте начнем разговор — и начнем его с обзора некоторых стоящих перед нами вопросов. Лорд Мандельсон, начну с Вас. Я думаю, Вы лучше других дадите нам представление о том, каким Вам видится положение вещей. Давайте поговорим о развитии системы в широком смысле слова. Мы пережили масштабную фазу либерализации, глобализации, веры в третью волну, если хотите. Главная идея заключалась в том, что торговля, всевозможная трансграничная деятельность, а также широкое сотрудничество на многосторонней основе способствуют улучшению жизни. В настоящий момент эта теория, как мне кажется, подвергается сомнению: мы видим, что международное взаимодействие рушится, а вопросы торговли оборачиваются сложностями в отношениях. Расскажите нам, как эта система будет развиваться с настоящего момента до 2020 года.

П. Мандельсон:

Безусловно, в системе многосторонней торговли есть сложности. Останавливаться на них подробно я не стану; вернусь к ним позже. Хотя мы наблюдаем довольно стремительное развитие многополярного мира, я не считаю, что многополярность — то есть возникновение разных и вполне успешных быстрорастущих очагов экономической активности на разных континентах — идет нога в ногу с укреплением многосторонних структур, выработкой соответствующей политики, принятием коллективных решений и изобретением более удовлетворительных способов управлять миром. В этом смысле я считаю, что сила и динамика развития структур многостороннего сотрудничества, которые необходимы для полноценной многополярности, не поспевают за темпом развития полюсов многополярного мира. Вероятно, мы сможем к этому вернуться и обсудить, почему так происходит.

И все же здесь я с вами не соглашусь. Я не считаю, что либеральные догматы и послышки, которые подхлестывают рост и ускорение глобализации в мире, либерализацию рынков и свободное перемещение товаров,

капитала и людей, куда-то исчезли. Когда финансовая система едва не рухнула, глобальная экономика испытала очень глубокий и тяжелый шок. В Европе определенно было именно так — еврозона очутилась, можно сказать, на волосок от гибели, однако уцелела и начала выходить из затруднительного положения. С моей точки зрения, Европа извлечет уроки из кризиса. К этому мы тоже можем вернуться и, может быть, обсудить это подробнее.

Не исключено, что Европа впала в самодовольство, в некоторую самоуверенность. Она воспринимала как должное совокупность благоприятных экономических условий, которые по большей части существовали еще со Второй мировой войны. Из-за этих благоприятных экономических условий и роста, который они обеспечивали, Европа, как мне кажется, во многих отношениях переоценила свои силы. Она переоценила свои силы в том, сколько можно брать в долг, в размерах задолженности, в том, сколько она тратила на свои нужды. Мы давно замечали хрупкость экономических основ Европы, а теперь понимаем, что эти основы надо скорректировать, и необходимые для этого структурные перемены и реформы уже начались.

У нас уже прозвенел очень серьезный тревожный звонок, однако все равно я смотрю в 2020 год не без оптимизма. По-моему, все перемены, необходимые, чтобы провести во многих европейских экономиках структурную реформу на национальном уровне и трансформировать еврозону и ее валюту во что-то более стойкое и жизнеспособное, уже идут. В этом смысле, как я часто говорю, мы извлекаем уроки из кризиса. Мне кажется, мы имеем право на определенное воодушевление, но не на самодовольство, потому что нам, европейцам, еще многое предстоит сделать.

Дж. Катмор:

По мере того, как разворачивался кризис, мы обнаружили одно интересное обстоятельство: резче становился контраст между отношением развитого мира и развивающегося мира к многосторонней глобализации, которая идет

уже несколько десятков лет. Если поговорить с жителями Российской Федерации и с жителями Китая, Индии и многих других развивающихся экономик, выяснится, что они считают, будто система устроена в интересах народов развитых стран: это развитые страны устанавливают законы, которые все остальные обязаны соблюдать, и поэтому затруднительное положение, в которое Запад попал по собственной вине, не вызывает у них особого сочувствия.

А теперь благодаря усилиям «Группы двадцати» (G20) и других организаций стало ясно, что назрела необходимость перекроить мировой баланс экономических сил. Возросла роль правительств и народов развивающихся стран в определении общего направления, когда речь заходит о распределении ресурсов, долей прибыли от экономической деятельности и о руководстве надлежащим распределением капитала.

Господин Дерипаска, позвольте спросить об этом Вас. Я много путешествую по всему миру и разговариваю с людьми, и эта тема возникает все чаще и чаще. Всем кажется, что обещания развитых стран пошли прахом. Выгоду от глобализации получает исключительно развитый мир, а развивающийся мир наслаждался ею отнюдь не в такой степени.

О. Дерипаска:

Я не уверен, что это так. Если вернуться в прошлое на 25—30 лет, то Китай тогда вообще никто не принимал во внимание с экономической точки зрения, и он так и не возник бы на мировой арене, если бы не поддержка Запада — инвестиции, технологии, рынки, общая поддержка в смысле интеграции в мировую экономику. Да, система справедлива, но существует и естественная конкуренция. У нас есть национальные правительства, национальная политика — они всегда будут доминировать в любой стране. Однако в то же время я вижу, что мир все больше и больше сдвигается в сторону развивающихся стран. У них есть много преимуществ, которые способствуют началу модернизации. Я считаю, что Российская Федерация может извлечь из этого выгоду. Мы можем модернизировать свою

экономику и свою жизнь, ибо наилучшие способы решения проблем, подобных нашим, уже найдены, и мы можем ими воспользоваться.

В Китае дела обстоят несколько иначе — у них трудности следующего уровня. Сейчас им придется выработать новые решения проблем окружающей среды, экономии энергии, аккумуляирования и передачи энергии и многих аспектов жизни, о которых Европе и США никогда не приходилось задумываться. Например, китайцам надо заняться вопросом скорости и интенсивности транспортных потоков и проблемами использования инфраструктуры. Вот почему сейчас Китаю надо решать трудные задачи. Это непросто, потому что для творчества нужна свобода, которой, само собой, способствуют сетевые технологии. И тем не менее, они взяли и закрыли сети — по политическим причинам.

Развитие народа невозможно остановить. Да, можно улучшить условия в Африке или еще где-нибудь, но остановить развитие невозможно.

Дж. Катмор:

Хотите что-нибудь на это ответить? Мне показалось, лорд Мандельсон, что, пока я формулировал проблему, Вы то качали головой, то кивали. Есть ощущение, что глобализация побаловала всех неодинаково. Если поговорить с жителями развитого мира, то многие из них, будь то молодые безработные американцы или молодые безработные испанцы, скажут, что во всем виновата глобализация. Вероятно, они неправильно понимают ее выгоды, но им представляется, что проблема отчасти в этом, пусть даже это мнение и несправедливо. А если обратиться к развивающемуся миру, там разброс по благосостоянию и участию в экономической деятельности еще больше. Если заглянуть в 2020 год, чем же нам на самом деле нужно заменить то, что есть у нас сейчас? Как найти такой способ управлять миром, который устраивал бы существенно большее количество людей, чем сейчас?

П. Мандельсон:

В чем я уверен, так это в том, что нам не удастся обеспечить ни желаемую глобализацию, приносящую нам пользу, ни общественную поддержку открытым либеральным мировым экономикам, если люди и страны во всем мире не будут ощущать, что им тоже причитается справедливая доля выгод и преимуществ глобализации.

Я думаю, произошло вот что: мы прошли определенную фазу глобализации, которой главным образом руководили финансовые службы. Думаю, в финансовом секторе при этом произошло следующее: крохотное меньшинство, руководившее этим беспрецедентным прорывом — распространением финансовых услуг в глобальном масштабе и ускорением реформ в финансовой системе, — получило непропорционально большую прибыль. Эту прибыль можно назвать экстраординарной. Она была получена не в ущерб остальным, но, конечно, оказалась существенно большей, чем доходы основной массы населения. А следовательно, параллельно процессу глобализации мы получили обострение поляризации и расслоения доходов между теми, кто представлял очень маленькую долю населения на самой верхушке, и всеми остальными. Мы видели не распределение плодов глобализации, а растущее неравенство в обществе — как я сказал, и между странами, и между группами населения в отдельно взятых странах. Народ там не поддерживает глобализацию, она им не нравится, она диссонирует с их ценностями. Они хотят иного. Плоды глобализации, которую они бы поддержали, должны распределяться более честно и справедливо.

С моей точки зрения, задача правительств и министров — придерживаться политики, которая не подрывает глобализацию, не противодействует силам роста, торговли, либерализации рынка, то есть тому, от чего выигрывают все. Однако в то же время они должны принимать дополнительные меры и проводить политику, которая создает социальные блага, повышает благосостояние широких масс населения — а не просто наблюдать, как меньшинство по-прежнему радостно делит между собой львиную долю «трофеев».

Вот почему я в некотором смысле экономический либерал — причем либерал весьма твердых убеждений. Я из тех, кто хочет, чтобы экономический либерализм, вся эта открытость, свобода, непрерывный поток финансов, капитала, товаров, людей и идей по всему миру опирались на социальную политику социал-демократического толка, где правительства вмешиваются разве что для того, чтобы еще справедливее распределить плоды и уравнивать возможности для всех членов общества. Если мы не будем так поступать, думаю, либерализация, которую мы готовы отстаивать, не принесет желаемых результатов, и ее будет еще труднее оправдывать политически. В обществе возникнет сильнейшее противодействие, и правительствам станет значительно труднее обеспечивать какое бы то ни было ощущение логически последовательного управления и стабильности, которые мы стремимся создать в будущем.

Дж. Катмор:

Здесь я вынужден Вас немного поправить: Вы только что сказали, что у нас будут протесты и беспорядки, а ведь и протесты, и беспорядки у нас уже есть. В южной части Европы безработица среди молодежи достигла рекордной отметки. Народы этих стран согласились играть в наши игры. Они сказали: «Ладно, мы готовы поглядеть, как нашу экономику вводят в более крупную многостороннюю группу» — то есть они стали частью Европейского союза, частью единого валютного блока. Когда они смотрят, что получилось в результате участия в этой группе, то задаются вопросом: «Правильно ли мы поступили? Может быть, нам стоило действовать исходя из наших личных, очень узких национальных интересов? Тогда в конечном итоге мы не были бы связаны по рукам и ногам единой валютой. Мы могли бы свою валюту девальвировать, могли бы участвовать в экономической деятельности, которая обеспечила бы нам конкурентное преимущество». Сейчас в Европе очень многие смотрят на многосторонний глобализационный подход и говорят: «Наших ожиданий он не оправдал. Нам надо вернуться к узким личным интересам. Так получается лучше».

П. Мандельсон:

Нет вообще никаких данных в пользу того, что узкие национальные и индивидуальные интересы в качестве экономической доктрины оправдывают себя лучше, чем когда много людей, объединившись, в сотрудничестве поддерживают открытость экономики и торговых потоков. Наоборот, — именно открытость и свободный поток торговли подстегивали рост и мировой, и, разумеется, европейской экономики. Кроме того, именно в Европе росту способствовала еще и совместная работа — не только для распространения своих ценностей в мировом масштабе, но и для отстаивания своих интересов в мире, где нам становится все менее уютно, так как нас теснит, с одной стороны, по-прежнему очень мощная североамериканская экономика, а с другой — растущие и развивающиеся экономические силы Азии.

Если Европа вернется к своему раздробленному состоянию, снова станет сообществом относительно маленьких стран и экономик, пытающихся в большом мире заработать себе на жизнь поодиночке, не думаю, что это для нас окупится, что мы получим желаемые результаты. В прошлом мы воспринимали такие результаты как должное, однако в будущем, чтобы достичь их, придется трудиться гораздо больше.

Почему я так оптимистично отношусь к мысли о том, что Европа сумеет заработать себе на будущее, сохранить нынешний уровень и качество жизни? Хотя еврозона представляет собой, очевидно, уже очень разработанную систему размещения активов (казалось бы, все, что можно, здесь уже сделано), все равно получилось так, что имеется около 500 миллионов самых богатых в мире людей. Эти люди объединились в уникальную экономическую формацию и составляют стабильное и открытое общество с крепкой базой научных знаний, наделенное способностью исследовать, развивать, внедрять инновации, находить применение этим знаниям и прилагать их ко всему, что мы делаем в своем обществе, на своем рабочем месте, во всех новых продуктах и услугах, которые мы разрабатываем, производим и продаем миру. Все эти фундаментальные сильные стороны мы не утратили. Да, конечно, мы пережили период, когда

политическая и экономическая элита в Европе утратила почву под ногами. Я имею в виду, что была запущена зона единой валюты — еврозона (вообще-то в идее единой валюты нет ничего дурного, — однако запущена она была при незаконченной архитектуре и политической структуре). Мы взялись за дело, не успев достроить структуру, в рамках которой действовали.

Джефф, не забывайте, пожалуйста, что через 30 лет средний доход на душу населения в Китае по-прежнему будет вдвое меньше, чем в Европе. Так вот, я не преуменьшаю значение структурных перемен и тех реформ, которые нам надо провести в Европе, чтобы пересмотреть свою конкурентоспособность, сделаться сильнее и суметь лучше зарабатывать себе на жизнь в рамках всего мира. Я вообще не собираюсь преуменьшать значение любых таких перемен. Но нельзя недооценивать и тот факт, что у нас есть качество, стиль, традиции, власть закона и запас знаний, которые в совокупности и составляют фундаментальные сильные стороны Европы. Этого мы не утратили. Мы потерпели полный крах в области применения своих сильных сторон в некоторых аспектах текущего управления экономикой, однако эти фундаментальные сильные стороны Европы никуда не делись. У нас в Европе по-прежнему самая большая коллекция ценных брендов по сравнению со всеми остальными континентами.

Это и есть фундамент, на котором нам следует восстанавливать свою экономическую мощь, это и есть задача, которая перед нами стоит. Я уверен, что мы на это способны и сделаем это. Однако нам надо действовать сообща, как единой европейской команде, надо действовать, заручившись таким политическим руководством и набором политических принципов, которые были бы, мягко говоря, получше, чем те, которыми мы располагали в последние десять лет.

Дж. Катмор:

Олег, вижу, Вы покачиваете головой. Может быть, Вы хотите что-то ответить на некоторые тезисы?

О. Дерипаска:

Европа и вправду великая, но только свои лучшие активы она хранит в музее. Беда в том, что их невозможно задействовать. Госпожа Меркель сказала как-то, что Европа — огромный музей, где хранится первый автомобиль, первый реактор и много всего другого первого, но как нам это задействовать? Как сделать продуктивным это наследие? У Европы замечательные активы в сфере образования и здравоохранения, но они очень дорого стоят. Они очень дорого стоят, насколько мы знаем, даже для самих европейцев.

Если вернуться к нашей повестке дня — к 2020 году — то у нас осталось всего семь лет. В нашем бизнесе мы уже знаем, какого рода продукцию будем производить и как построить новый завод в такие сроки. За семь лет мы сможем внедрить усовершенствования.

Я больше сосредотачиваюсь на Российской Федерации, однако и для Европы должны найтись решения экономических проблем. Чтобы двигаться вперед при таком высоком курсе валюты, нужно иначе все организовать: Южная Европа, Восточная Европа, Центральная Европа, Великобритания. Мы видим, что в последние полтора года в Европе была своего рода патовая ситуация. Если господин Бернанке прав, то фокус в целом сместится с США обратно на Европу, и весь мир увидит, что за два года ничего не произошло. Что же дальше? Это серьезная проблема.

Однако при движении вперед у нас открываются отличные перспективы. Для нас, жителей Российской Федерации, Европа — важный партнер. Всемирная торговая организация (ВТО), благодаря лорду Мандельсону, как подчеркнул сегодня наш Президент, уже стала настоящим испытанием для российской экономики. Если мы задумаемся, что станет главным двигателем перемен в Российской Федерации — здесь очень сильна бюрократия, нам многое придется менять, — то поймем, что, к сожалению, все будет происходить не снизу вверх, а сверху вниз.

ВТО станет для нас важнейшим испытанием, и она изменит Российскую Федерацию. Если взглянуть на наши достижения, например, низкую безработицу — на данный момент 5,5% или чуть ниже, — то станет

очевидно: если снять все ограничения, безработица достигнет 15—16%. Для успешной конкуренции нам придется обновить инфраструктуру, реформировать энергетику и улучшить законодательную систему. Сегодня были анонсированы некоторые предстоящие шаги. Нам надо скорректировать повестку дня и наладить общение между Европой и Азией. Кроме того, важный для нас фактор — способность наладить общение с исламским миром.

Если взглянуть на экономику и на перспективы, которые открываются перед нами в области высоких технологий, то мы увидим, что мы могли бы сильно усовершенствовать сельское хозяйство и в Европе, и в Российской Федерации, и в Азии. Есть новые методы, которые помогут нам работать продуктивнее. Это важное решение, позволяющее сохранить уровень жизни и помогающее расти развивающимся странам. Новые материалы и комплектующие для строительства предлагают уникальную возможность гораздо эффективнее расходовать энергию. Новые способы аккумулировать и передавать энергию дают нам больше гибкости. А второй фактор, который существенно изменит Российскую Федерацию, это новые источники газа (как показали США, начав применение сланцевого газа), а также, как мы рассчитываем, и новые источники нефти. Само собой, к переменам приведут и Интернет, и социальные сети, и способы коммуникации граждан с правительством и местными властями. Чтобы проблема стала достоянием общественности, нужно уже не две недели, а несколько секунд. После чего уже ожидается ответ.

Думаю, все это придаст импульс переменам. Хотя сейчас ядерная энергия и новые разработки в этой области — не самый насущный вопрос, я думаю, они сыграют очень важную роль. Нам нужно будущее, в котором мы будем меньше зависеть от своих ресурсов и больше — от технологий.

Дж. Катмор:

Вы перечислили длинный список того, где мы будем наблюдать инновации и прогресс, и многое такое, что предстоит развивать частному сектору.

Однако я по-прежнему считаю, что очень важно довести до готовности структуру, в рамках которой сможет действовать частный сектор.

Мы слышали, как лорд Мандельсон говорил о том, в чем, по его мнению, Европа должна сделать шаг вперед — в том, что касается лидерства и руководства, в законодательстве, особенно в финансовом секторе. Однако и Российская Федерация сейчас тоже стоит на перепутье. Сегодня мы слышали, как Президент говорил о самых разных инициативах, причем о некоторых из них мы слышали не в первый и не во второй раз.

Российская Федерация участвует в многосторонних соглашениях. Она стала членом ВТО и теперь стремительно вовлекается в споры с другими членами ВТО по определенным вопросам — сразу вспоминается автомобилестроение, но, несомненно, им дело не ограничивается. Как Вы считаете, полезно ли Российской Федерации несколько поступиться независимостью ради того, чтобы влиться в эту многостороннюю группу?

О. Дерипаска:

Думаю, это прибавит нам конкурентоспособности. Что касается разногласий, которые Вы упомянули, в частности, в автомобилестроении или в том, как Европейская комиссия относится к ценам на энергию в Российской Федерации, то мы надеемся, что Европейская комиссия точно так же отнесется и к ценам на энергию в США. Цены на газ в Америке сейчас ниже, чем в России, но это ничего не значит. Я считаю, это может навредить нашему имиджу. У нас весьма уверенный в себе лидер, который придерживается собственного мнения по многим вопросам, и это поможет нам продвинуться вперед и увидеть собственные проблемы, поскольку будет делаться на конкурентной основе. Если компании Volkswagen не нравится, что происходит в Российской Федерации, она немедленно сможет подать апелляцию. Да, они организуют производство здесь, но при этом хотят действовать по правилам, принятым в ВТО. То же самое происходит во многих отраслях.

Российская Федерация, честно говоря, не успела как следует подготовиться, и теперь мы пытаемся нагнать прогресс.

П. Мандельсон:

Джефф, если позволите, я вмешаюсь. Мне кажется, в том, что говорит господин Дерипаска, главное — это наблюдаемые нами прогрессивные перемены, которые позволяют Российской Федерации сильнее интегрироваться в международную экономику. В каком-то смысле членство в ВТО весьма символично, по крайней мере, сам факт вступления. Да, оно ставит определенные условия, нужно предпринять определенные действия, пошагово распределенные во времени. Однако суть членства в ВТО состоит в том, что оно открывает блестящие перспективы в международной системе торговли в целом и в глобальной экономике, однако не гарантирует результатов.

Страна должна сама осуществить перемены, чтобы прибавить себе силы и конкурентоспособности, чтобы добиться радикальных изменений в логистике и инфраструктуре, о которых уже говорил Президент Путин на этом Экономическом форуме. Вам нужно создать обстановку, в которой бизнес сможет расти. Правительство играет очень важную роль — участвует в создании благоприятного климата и обстановки для роста бизнеса; ему отведена очень важная роль в обеспечении экономики ресурсами, в создании основы, на которой могут расти предприятия. Однако в конечном итоге все зависит от самих предпринимателей, которые отваживаются на крупный риск, когда создают и развивают свои предприятия. Сегодня у них есть возможность развивать свои предприятия не только на российском рынке, где живет всего 3% мировых потребителей. Расширение международных торговых отношений дает Российской Федерации возможность поставлять высококачественные товары и услуги и остальным 97% потребителей — тем, кто живет за пределами Российской Федерации.

Когда я смотрел на господина Путина и госпожу Меркель на трибуне Экономического форума, мне пришло в голову, что Европе с Российской Федерацией и вправду полезно наладить сотрудничество. Я имею в виду, что Европе нужна энергия из Российской Федерации. Я хочу сказать — не

только нефть и газ: в некоторых случаях Европе нужны и российские разработки в области ядерной энергетики. Кроме того, нам нужен и рынок Российской Федерации, чтобы продавать на нем свои товары. С другой стороны, Российской Федерации нужны инвестиции из ЕС; ей нужен доступ к передовым технологиям и навыкам, ей нужно наше участие и наша поддержка в модернизации ее экономики. Если кто-то и создан друг для друга, то это ЕС и Российская Федерация: наша экономика, рынок и энергетические потребности, можно сказать, дополняют друг друга.

Пожалуй, мне было приятно, когда кто-то из зрителей сегодня напомнил господину Путину и госпоже Меркель о том, как я много лет назад участвовал в работе над созданием общей картины тесного партнерства между ЕС и Российской Федерацией в экономике, инвестициях и торговом партнерстве — и приятно, что мою работу оценили положительно. Мы работали тогда с учетом перспектив. Однако теперь, когда Российская Федерация состоит в ВТО, на мой взгляд, настала пора достать эти планы с полки, отряхнуть с них пыль и принять решение претворить их в жизнь в ближайшие годы.

Дж. Катмор:

Это и правда великолепно, однако некоторые из тех, с кем я говорил здесь, — а за прошедшие два дня на Форуме эта тема регулярно всплывала, — считают, что многие международные инвесторы и бизнесмены не думают, что эта дверь, так сказать, открывается в обе стороны одинаково.

Олег, позвольте мне обратиться с вопросом к Вам. Этот вопрос часто поднимают, и Вы, несомненно, тоже нередко его слышали: вопрос о коррупции, которая затрагивает инвесторов, выходящих на российский рынок. Можно ли считать, что Правительство стремится обуздать коррупцию и придерживается в этом вопросе верного плана действий? Или решение этой проблемы следует целиком предоставить правовой системе и частному сектору, поскольку речь идет в основном о коррупции в частном секторе? Мне очень интересно получить Ваш анализ проблемы и путей ее решения, поскольку чем дальше, тем больше кажется, что это

единственное препятствие дальнейшим инвестициям в российскую экономику, будь то прямые иностранные инвестиции, капиталовложения или что-то еще.

О. Дерипаска:

Коррупцию мы унаследовали от СССР. Борьба с ней — задача, которую должны решать сообща Правительство, политическое руководство, бизнес и общество. Примеров не так уж много. У нас в СССР уже был когда-то лидер, который боролся с коррупцией очень жесткими методами, — это Сталин. Больше такие методы применять нельзя. Вот почему единственный выход — добиться большей прозрачности, сильнее давить на законодательную систему, добиваясь от нее реакции, и требовать, чтобы государство прозрачнее демонстрировало распределение бюджета и ресурсов. Могу вам сказать, что с течением времени ситуация заметно улучшилась, если сравнить ее с 2002 или 2003 годом.

Проблема — российский бюджет. Вот почему у нас так много случаев, которые вызывают ощущение, что ничего не происходит. Однако процесс идет. С моей точки зрения, развитие среднего класса, экономический рост и прозрачность обеспечат пути снижения остроты этой проблемы. А иностранному инвестору я могу сказать: да, в Российской Федерации можно действовать и в одиночку, однако я вижу много преуспевающих совместных предприятий, которым по силам решить этот вопрос. Я вижу много крупных инвестиций, когда инвестор обращается непосредственно к федеральному или региональному правительству и задает для своего проекта необходимую структуру. Я видел примеры успеха в подобных начинаниях и убежден, что именно так и надо это делать.

П. Мандельсон:

Если при взаимодействии правительства и бизнес-сообщества не проявлять осторожность и не добиваться прозрачности, как сказал господин Дерипаска (в смысле более зрелых законодательных и политических институтов, необходимых для регулирования в этой области), обязательно

получишь коррупцию. Российская Федерация в этом смысле не уникальна. К сожалению, эта зараза существует на всех континентах, особенно в быстрорастущих экономиках. В каком-то смысле они растут и развиваются быстрее институтов и практик, необходимых для обуздания коррупции и проведения соответствующей политики. Я всерьез убежден, что мнение господина Дерипаски очень верно. Народ Российской Федерации чем дальше, тем больше не желает с этим мириться — подобное мы наблюдали и в других странах. Люди увидят коррупцию, возненавидят ее, восстанут против нее, и тогда те, кто к ней причастен, очень хорошо поймут, что происходит, и сообразят, что если они немедленно не прекратят так себя вести и не исправятся, общество этого не потерпит, против этих людей будут применены санкции. Естественно, в одну секунду этого не произойдет. Этого не случится ни завтра, ни через неделю, но настроение будет меняться. Нетерпимое отношение к коррупции, как мы наблюдали в других странах во всем мире, — неотъемлемая черта развития экономики наряду с развитием более открытого демократического общества. Я уверен, что именно это вы будете наблюдать и в Российской Федерации.

Дж. Катмор:

У всех нас должна быть общая конечная цель в этой истории. Задам по этому поводу последний вопрос. Можно ли считать, что российская модель — это всего лишь другой способ достижения той же конечной цели? Я очень хорошо знаю систему в Великобритании — она очень похожа на то, что можно наблюдать во многих европейских странах и в США, где ветви власти весьма эффективно разделены. Все их уважают, все признают, что у каждой своя роль в системе сдержек и противовесов, а иногда в качестве четвертой ветви власти, которая держит под контролем остальные три, называют еще и СМИ. Станет ли российская система развиваться точно так же или нам следует думать о ней в других терминах — мол, здесь более сильная вертикаль власти, представленная Президентом, который больше участвует в управлении деятельностью различных государственных институтов?

О. Дерипаска:

В ближайшие 11 лет руководство, конечно, станет сильнее. Думаю, Российская Федерация к этому готова. Надеюсь, экономический рост создаст фундаментальную возможность добиться большей прозрачности, более адекватного распределения бюджетных средств, укрепления системы сдержек и противовесов — и гражданское общество в целом станет сильнее. Тогда мы в Российской Федерации получим систему, близкую пусть не к системе Великобритании, но к европейской — это точно.

Дж. Катмор:

Давайте двинемся дальше. Не хотелось бы на этом слишком долго задерживаться. Мы же вроде бы говорим о поводах для оптимизма.

Позвольте мне задать вопрос о прорывах. Это очень интересная тема — мне кажется, она должна особенно интересовать именно бизнесменов, поскольку как раз в этой области они ищут возможности для продвижения и расширения. Когда вы оцениваете ситуацию (в своем непосредственном окружении, в стране, на международной арене) — какие основные прорывные тенденции вы ожидаете увидеть в ближайшие семь лет, которые либо представят новые возможности для развития, либо приведут к существенному изменению результатов нынешнего развития?

П. Мандельсон:

Ну, главный прорыв — это область высоких технологий.

Дж. Катмор:

Что конкретно? Мы говорим об Интернете и социальных медиа? Или о трехмерных принтерах? Высокие технологии очень многообразны.

П. Мандельсон:

Я бы сказал — информатизация экономики по всему миру. Все может измениться, и все, скорее всего, изменится. Что мы делаем, как мы это

делаем, что производим, что поставляем — процесс информатизации затрагивает все. Кроме всего прочего, она не только откроет широкие перспективы для экономики и предпринимательства, поскольку создаст рабочие места и обеспечит людям доход. Она еще и окажет революционное — и, по моему мнению, в конечном итоге положительное — воздействие и на общество как таковое, и на то, как мы налаживаем отношения в обществе, и на то, как мы управляем демократией в наших странах. Относиться к ней можно двояко: либо бояться, прятаться от нее и стремиться ее минимизировать, либо, наоборот, стремиться к ней, приветствовать ее и оптимизировать ее воздействие на нашу экономику и общество. Лично я, например, буду во втором, а не в первом лагере.

О. Дерипаска:

Согласен с лордом Мандельсоном. Это повлияет и на образование, и на систему здравоохранения, и на сферу услуг в целом. Глобализация в такой обстановке также очень сильно ускорится — в смысле ее воздействия на национальные экономики.

Дж. Катмор:

Очевидно, что у высоких технологий есть и хорошая, и скверная сторона — как у доктора Джекила и мистера Хайда. На этой неделе был один подобный пример — с пресс-релизом, который якобы отправили из Правительства, где объявлялось об отставке главы «Российских железных дорог». Сразу же последовали опровержения, и было разъяснено, что это мистификация, не имеющая к Правительству никакого отношения. Мы в очередной раз имеем дело с теми, кто пользуется высокими технологиями во зло. Разумеется, есть и более масштабные вопросы — об использовании Интернета правительственными агентствами, например, программа Агентства национальной безопасности США PRISM. Участвуют ли китайцы в интернет-шпионаже? Меня интересует вот что: есть ли способы к 2020 году снизить подобные опасности, не упустив преимуществ?

П. Мандельсон:

В начале этой дискуссии я предположил, что мы наблюдаем беспрецедентные перемены и трансформации как в глобальной экономике, так и во всем мире. Одна из них — эту тему мы уже затронули — цифровые технологии и их влияние абсолютно на все, что мы делаем, на все, что мы производим, на все услуги, которые мы обеспечиваем. У нас нет программ для обсуждения того, как контролировать эти перемены, какое воздействие они окажут на международные отношения.

Что касается примера с кибербезопасностью и кибервойной, то чем дальше, тем чаще мы наблюдаем, как отдельные страны или какие-то силы в этих странах обретают способность добывать информацию и красть данные, которые им не принадлежат (это ставит и масштабный вопрос о праве собственности). Какие меры безопасности можно принять? Чем защититься? Как положить конец подобным взаимодействиям, не дать им развиваться по спирали и превратиться в новую разновидность войны в мировом масштабе? На какой площадке можно это обсуждать?

США всерьез озабочены происходящим в Китае — и они наблюдают постоянные кибератаки на свои базы данных. Многие в Европе сильно встревожены тем, что Америка, по их мнению, имеет возможность с помощью Интернета и связанных с ним технологий получать доступ к личной информации и следить за тем, что происходит в Европе.

Я сейчас не говорю, кто тут прав, кто виноват. Но в одном я совершенно уверен: если мы не хотим увидеть полное взаимоуничтожение посредством этих технологий, надо искать новые многосторонние структуры, в рамках которых можно их обсуждать и приходить к соглашениям по поводу их применения, по поводу планов взаимодействия и взаимоуважения в этой сфере.

Появляется все больше и больше областей, где мы попросту не наблюдаем развития средств управления, контроля, взаимного уважения, сосуществования и сотрудничества, которые нам необходимы, если мы хотим более или менее спокойно жить через 10, 20, 30 лет. Мы обязаны наверстать упущенное. Прежде всего, это задача политиков и чиновников,

однако иногда их приходится подталкивать и даже давать пинка, чтобы они двигались вперед — и это задача тех, кто хочет, чтобы они ответственнее относились к своим обязанностям и действовали на благо людей.

Дж. Катмор:

Что это за площадка? Дело в том, что площадки, которые мы видим в данный момент и которые должны предоставлять возможности для арбитража, соглашений и улаживания разногласий, не действуют, не так ли? Это мы наблюдали и в «Группе восьми», когда при обсуждении сирийского вопроса Президент Путин ощущал, что другие участники давят на него, отторгают его. И в «Группе двадцати» мы также наблюдали бесконечные споры по вопросу о том, как группе развивающихся экономик двигаться вперед как единому целому. Видели мы и разногласия по многим вопросам между «Группой восьми» и «Группой двадцати». В ВТО мы потерпели неудачу с Дохийским раундом переговоров. Есть очень много областей, где мы проводим многосторонние обсуждения, которые неизменно оканчиваются провалом. Сказывается и недостаток крепкого лидерства, и недостаток доверия.

П. Мандельсон:

Мне кажется, неспособность сторон прийти к компромиссу на Дохийском раунде в ВТО стала крупной неудачей мультилатерализма и большой помехой на пути к мировому регулированию более или менее достойным и разумным образом. Тот факт, что мы впервые за все время не сумели достичь согласия, не только серьезно влияет на будущее системы мировой торговли, основанной на законах, но, с моей точки зрения, окажет воздействие и на то, как мы ведем дела в мире в целом.

Помню, как 2009 году, на пике мирового финансового кризиса, когда тогдашний премьер-министр Великобритании Гордон Браун председательствовал на саммите «Группы двадцати», я с большим оптимизмом воспринял новую функцию «Двадцатки» как главного органа, координирующего мировую экономику. Гордон Браун действовал весьма

решительно: помнится, он просто запер глав государств и правительств в комнате и не выпускал до тех пор, пока они не достигли соглашения по целому ряду мер и по повестке дня, которую он задал им в качестве домашнего задания еще с утра. Вышли мы оттуда с замечательным коммюнике. Мы вышли с отличным соглашением по целому ряду вопросов, по которым, как все считали, нам никогда не договориться. В одних случаях эти меры и решения были воплощены в жизнь. Во многих других, к сожалению, нет. Когда человек приходит в себя после похмелья, как случается, если многовато выпьешь, — именно это, в некотором смысле, и произошло в первую очередь после финансового кризиса, — он забывает, как это было мучительно, и снова начинает расслабляться. Вот и «Группа двадцати» взяла и расслабилась.

Но сейчас нам надо возродить подобного рода институцию — и превратить ее в более функциональный и эффективный орган, потому что никакой альтернативы этому я не вижу. Нет никакой иной структуры, которая объединяла бы развивающиеся экономики, набирающие силу державы с развитыми передовыми экономиками (старыми атлантическими державами) — с их консенсусом, с их институтами, которые, вообще говоря, направляют мировое развитие согласно отражению их интересов и приоритетов в течение 60 послевоенных лет. Эти группы все вместе должны это понимать. Создать Старый мир и Новый мир, разнести их по полюсам и попросту натравить друг для друга — это ничего не решит, и это совсем не то, чего все хотят. Всем не хватает именно структур, именно организационных средств, чтобы управлять течением событий коллективно, в сотрудничестве. Вот на чем мы должны сосредоточиться.

Дж. Катмор:

Господин Дерипаска, давайте вернемся к Вам. Один из аспектов темы высоких технологий — это социальные медиа. Правительства практически не могут их контролировать, потому что медиа их опережают. Те, кто придерживается либертарианских взглядов, скажут, пожалуй, что это даже хорошо. Они охотно соглашаются со словами Рональда Рейгана, что если

человек из правительства приходит и говорит: «Здравствуйте, я из правительства и хочу вам помочь», это оксюморон. Очевидно, найдутся и такие, кто скажет, что надо дать системе развиваться и саморегулироваться без постоянного вмешательства властей.

Есть и те, кто видит обратную сторону медали, например, правительства на Ближнем Востоке в результате «арабской весны», в какой-то степени — в Турции; мы видели и кампании, развернутые социальными медиа здесь, в Российской Федерации, которые совсем не радуют правительство. Мы знаем, что и китайское правительство тоже не в восторге от того, что периодически сталкивается с совершенно неконтролируемыми кампаниями против правительственной политики, которые ведутся на Weibo и в других социальных медиа.

Как Вы считаете, должны ли мы дать социальным медиа развиваться абсолютно свободно? Поможет ли это нам достигнуть тихой гавани 2020 года, оказаться в том самом более оптимистическом мире, о котором мы мечтаем? Или социальными медиа следует тщательно управлять, чтобы у нас точно не было с ними никаких проблем?

О. Дерипаска:

Это в принципе невозможно. Этот процесс нельзя остановить. Вопрос в том, что нужны сильные лидеры. Если результаты опросов общественного мнения оказывают такое сильное влияние на представителей власти, что те моментально меняют свои позиции, то подобные лидеры стране не нужны. Вы упомянули Китай. На нас это произвело сильное впечатление. Там находится один из наших консультативных комитетов, и специалисты по социальным медиа сказали нам, что у среднего китайского блоггера 20—25 миллионов подписчиков. Если бы им показалось, будто происходит что-то нехорошее, они с легкостью могли бы вывести толпы на улицы. Теперь правительство практически сразу реагирует конкретными действиями. Такова новая реальность, если хотите, новая демократия. К ней приходится приспосабливаться. Надо быть способным создавать конкурентоспособные способы оценки того, что может произвести социальная сеть.

Что касается Европы, то по сравнению с ней Америка хорошо устроилась. У американцев есть доллар, новая индустриализация, сланцевый газ, сланцевая нефть и перспективы в Латинской Америке. Европе повезло меньше. Следовательно, европейцам, чтобы решать проблемы и находить новые паттерны потребления, нужно сильное руководство. Нужно привлекать новых инвесторов, иначе все ваше великое достояние, все ваши великие достижения не будут никому нужны, не создадут платформы для роста и развития.

Дж. Катмор:

Каков рецепт, чтобы этого добиться?

О. Дерипаска:

Прежде всего, взгляните на европейскую валюту.

Дж. Катмор:

Разрушить единый валютный блок?

О. Дерипаска:

Может быть, и не разрушить, однако постараться беспристрастно оценить эту валюту. Что произошло с тех пор, как ее ввели? Почему она стала вдвое дороже прежнего? В чем было дело — в росте производительности в Европе или в новых месторождениях сланцевого газа, обнаруженных на континенте? Нет, дело было всего-навсего в неэффективности банковской системы и Европейского центрального банка. Кроме того, если Германия хочет сохранить преимущества, которые дает членство в Союзе, она должна проявлять больше гибкости.

Дж. Катмор:

Двинемся еще на шаг вперед. Мы тут вскользь заговорили о Китае. Давайте остановимся на нем подробнее. Перспектива или угроза? И как все это вписывается в наш разговор о 2020 годе? Мы знаем, что Китай стал

крупнейшим двигателем роста и развития. Сейчас эта страна представляет собой самый настоящий локомотив мировой экономики. Однако если рассмотреть распределение капиталов, то возникают вопросы, правильно ли управляется этот процесс и не сами ли китайцы виноваты в том, что на данной стадии все замедлилось. Мы приближаемся к завершению этого часа, и я буду рад выслушать ваши соображения о Китае. Какие преобразования нам нужно увидеть в Китае, чтобы перспектива на 2020 год стала лучше?

П. Мандельсон:

Как комиссар по торговле я много имел дело с Китаем. Я постоянно работал над разными соглашениями, разными вопросами, разными проблемами, которые у нас возникали. Это было непросто. Это было трудно, но я ни разу, ни на миг не утратил веры в то, что рост и развитие Китая — это благо, и не только для китайского народа, что очевидно, поскольку в результате экономического роста сотни миллионов китайцев поднялись над чертой бедности, но и для всего остального мира.

Однако меня тревожат определенные черты китайской экономики, на мой взгляд, представляющие собой угрозу для их роста и развития и для открывающихся перспектив. Например, я считаю, что финансовая и банковская система содержит в себе зародыши будущего краха и, как следствие, катастрофы для остальной экономики — не только в Китае, но и для всех нас. Сектор государственных предприятий отчаянно нуждается в реформах. Это не только я так говорю — это понимают и китайские руководители.

Провести эти реформы, конечно, невероятно трудно. Потребуется кардинальные преобразования, в результате которых возникнет, пусть и ненадолго, угроза для рабочих мест и индивидуальных доходов, а значит, они чреватые социальной нестабильностью. С этим противостоянием китайские политические лидеры сталкиваться не хотят. Однако из этого не следует, что потребности в реформах и переменах рассосутся сами собой — этого не произойдет. Чем дольше их откладывать, тем больше бед ждет

вашу собственную экономику, тем радикальнее будет необходимое хирургическое вмешательство и перемены, которые придется затем осуществить. А между тем делаются неоправданно щедрые субсидии в сталелитейную и алюминиевую промышленность (где и так наблюдается перепроизводство), в другие отрасли китайской экономики. Эти субсидии не просто вредят здоровому росту и экономической стабильности в Китае в среднесрочной и долгосрочной перспективе, но уже сейчас подавляют ценообразование, искажают ситуацию на рынке и оказывают мощное давление на производство во всем мире, лишают нас работы и средств к существованию, поскольку мы не в состоянии конкурировать с субсидированным производством.

Я мог бы говорить об этом еще долго. На Китай уже нельзя будет рассчитывать как на неисчерпаемый источник дешевой рабочей силы, как было в последние десятилетия, когда он активно рос и развивался. Китай должен найти другие способы повысить свою продуктивность и укрепить конкурентоспособность. Он это понимает. Вот почему он столько инвестирует в новые технологии и партнерство с другими инвесторами из разных стран. Но достаточно ли быстро он это делает? Достаточно ли это будет серьезно? Меняет ли Китай собственные правила и законодательные условия в собственной экономике, чтобы обеспечить иностранным инвесторам и партнерам возможность вести дела именно так, как им нужно? По-моему, это происходит недостаточно быстро. Мне кажется, Китай также должен ускорить темп внедрения перемен и реформ в экономике, чтобы избежать серьезной угрозы экономического кризиса в грядущие годы.

Дж. Катмор:

И тогда Китай будет развиваться. Каковы риски и перспективы?

О. Дерипаска:

Думаю, в Китае нам нужна стабильность. Надо, чтобы там решили главный вопрос — с энергией. В прошлом году китайцы сожгли 3,7 миллиарда тонн

угля. Только представьте себе, сколько дыма попало в атмосферу, сколько сажи в землю. Эту проблему они должны решить. Без энергии они не смогут двигаться вперед. Разумеется, мы должны им помочь с ядерной энергетикой, иначе им не удастся добиться должных стандартов безопасности, а к катастрофам в Чернобыле, Три-Майл-Айленде и Фукусиме добавятся новые. В Китае нет доступа к технологиям аккумулирования и передачи энергии, ему нужно обеспечить этот доступ. Энергия очень важна для Китая и его стабильности.

Второй вопрос также связан с окружающей средой. В Пекине уже невозможно дышать. Там невозможно находиться дольше трех дней. Та же история — в большинстве промышленных городов. Надо, чтобы китайцы закрыли все фабрики и заводы, работающие на угле, и нашли ему соответствующую замену — атомную энергию или газ.

Как сказал лорд Мандельсон, необходимо провести реформу государственного и промышленного сектора. В сталелитейной промышленности наблюдается масштабное перепроизводство. В прошлом году 755 миллионов тонн принесли меньше одного миллиарда долларов прибыли. Китайцы должны остановить это производство. Надо прекратить это непрозрачное субсидирование — оно на корню губит рынок и порождает неверные сигналы. Промышленная политика с учетом реформы государственных предприятий и развития рынка ценных бумаг открывает прекрасные перспективы для инвесторов.

Еще Китаю следует уладить разногласия с соседями, хотя с этим, возможно, следует работать извне. Иногда эти разногласия начинаются невинно, но могут принять крайне скверный оборот. Отношения между Китаем и странами бывшего СССР, в том числе и с Российской Федерацией, мирные, взаимовыгодные и способствуют процветанию обеих сторон. Я думаю, к Китаю иногда подходят совершенно неправильно. США должны прикладывать более заметные усилия к тому, чтобы найти способ наладить эти отношения.

Дж. Катмор:

Очень кратко, в завершение передачи, — не сделаете ли два-три замечания о том, что заставляет вас с оптимизмом смотреть в будущее и считать, что в 2020 году положение дел по сравнению с сегодняшним улучшится. Очень коротко, лорд Мандельсон.

П. Мандельсон:

В свое время я был политиком. Больше я политикой не занимаюсь, но когда-то был политиком, а политик по определению должен быть прирожденным оптимистом. Если ты политик, надо быть оптимистом, потому что иначе ты не сможешь думать, что способен обеспечить другим лучшую жизнь. А я по-прежнему считаю, что политика в силах этого добиться. Она в силах этого добиться, но не всегда, к сожалению, добивается. Все же я думаю, что мы будем и дальше жить в эпоху, когда главенствуют либеральные экономические и социальные ценности. Экономический либерализм, который, как я уже говорил, поддерживает рынки и свободу перемещения денег, людей, товаров и идей, поддерживает еще и либеральные общественные ценности: мы уважаем личность, мы отстаиваем ее права, мы не хотим, чтобы людей притесняли при всех их различиях — ни большинство населения, ни правительства, ни правительственные учреждения, ни полиция.

Думаю, нам следует поощрять и поддерживать именно эти ценности, которые составляют основу и нашей экономики, и нашего общества. Следует инвестировать в них, потому что до сих пор я не видел никакой адекватной альтернативы — ни за всю свою жизнь, ни во всех исторических книгах, которые мне доводилось читать. Одну альтернативу попробовали применить здесь, в вашей стране, — испытали ее и потерпели с ней неудачу, и я не думаю, что в этой стране возможен хоть какой-то возврат к той эпохе. Нам надо сделать так, чтобы эти ценности служили на благо всем и каждому. Вот в чем и состоит работа политика — обеспечить, чтобы рынки были источником развития и благосостояния, и распределять полученные блага поровну и справедливо в результате политики, сторонником которой он является. Когда эти два обстоятельства

согласованы и сбалансированы, получается хорошо налаженная экономика и общество, состоящее из хороших, достойных людей.

О. Дерипаска:

Человеку свойственен оптимизм. Есть еще и технологии. Мы понимаем, в чем суть наших проблем, хотя почти пять лет потратили на борьбу за применение этих же самых решений. Как сказал лорд Мандельсон, у нас впереди семь лет, за которые мы можем добиться желаемого. Все зависит от того, как мы себя покажем, а я верю в тех, кто нас окружает.

Дж. Катмор:

У меня последний вопрос — и в нем я пристрастен. Моей дочери 11 лет. Через семь лет ей будет 18. Я надеюсь, у нее будет успешная карьера и любимая работа. Если мне придется дать ей совет, какое выбрать направление для высшего образования, чтобы обеспечить себе успешную карьеру и любимую работу, в каком направлении мне надо ее подталкивать? Какое образование ей лучше получить? Кем ей стать — банкиром, ученым, инженером, политиком, а может быть, российским олигархом? Хотя я не уверен, что этому где-то учат! Так вот, господа, что вы мне посоветуете в заключение передачи?

П. Мандельсон:

Я бы сделал ставку на точные и естественные науки и инженерное дело. Нет, я вовсе не против искусства и гуманитарных наук; в свое время я был министром, занимался делами университетов и был сторонником подобных специальностей. Однако я думаю, если мы хотим найти решения тех технологических задач, без которых нам не обеспечить себе лучшую жизнь, то нам нужно увеличить, а не уменьшить долю как точных наук, так и инженерного дела. А еще я добавил бы несколько языков. Я знаю, что в наши дни все говорят по-английски — если повезет, — но, по-моему, точные науки в сочетании с лингвистическими навыками, — к сожалению, сам я так и не сумел этому научиться, — станут для Вашей дочери

идеальным набором знаний и умений, в котором заложено все необходимое.

О. Дерипаска:

Согласен, точные науки дело хорошее. А еще работайте с ней в саду. Постарайтесь показать ей, что, сделав что-то своими руками, она будет ценить это гораздо больше.

Дж. Катмор:

Господа, большое спасибо за бесплатные советы по профессиональной ориентации — и большое спасибо за то, что показали нам, что к 2020 году жить станет лучше. Спасибо всем, кто был вместе с нами на этой особой передаче на канале CNBC.